

ЛИТЕРАТУРУ ОТМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

— считает
**Валентин
Распутин**

Кн. обозрение. — 1999 — 6 апр — с. 8

ТАК получилось, что крупнейший русский писатель Валентин Распутин оказался на стороне оппозиции. И хотя о сближении писательских союзов говорить не приходится, на вечер Распутина, состоявшийся недавно в Центральном Доме литераторов, собрались не только представители «Комсомольского проспекта». Потому что писателя, равного Валентину Распутину, сегодня в России, пожалуй, нет.

ВАДИМ КОЖИНОВ к публицистике писателя относится неоднозначно:

— Порядочность писателя — а Распутин человек истинного благородства — совпадает с его талантом. Очень редкое сочетание. Вместе с тем доперестроечному Распутину свойствен либерализм, на мой взгляд, вредный для любого созидания и творчества. То, что создано им в последние годы, мне гораздо ближе. Я не совсем согласен с публицистикой Валентина Распутина, но одна из недавних статей о славянофильстве совпадает с моим мнением об этом направлении отечественной мысли: поверхностная, лишенная фундамента концепция.

ЛЕВ АННИНСКИЙ на заданную тему говорить отказался:

— В литературе место Валентина Распутина прочно. Независимо от политической позиции. Он замечательный писатель и интеллигентнейший, очень глубокий человек. О публицистике Распутина

Чем же Распутин отличается от других? Да тем, чем вообще русская литература в самых высоких своих проявлениях отличается от иных литератур. Его собратья по перу строчат триллеры и детективы, а он все про боль человеческую.

И «Прощание с Матерой», и повесть «Живи и помни», и ранние (ставшие классикой) рассказы: «Василий и Василиса», «Уроки французского», и рассказы восьмидесятых: «Наташа», «Что передать воро-

не», «Век живи — век люби», «Не могу-у», и самые последние его вещи — все через испытания, отчаянье и боль.

По-разному высказываются литературоведы о поздних рассказах Распутина. Прошедший вечер в этом смысле не стал исключением. Кто-то считает их слабее прежних: много публицистики. Ну а уж по поводу распутинской публицистики — сколько людей, столько мнений. Судите сами.

говорить не хочу. Он стоит на крайних позициях, выступал в свое время за распад Советского Союза, иронизировал. Не скажу, что он добился своего, а просто, видимо, угадал. Так все и получилось.

Зато по достоинству оценил статьи Распутина **АНДРЕЙ ТУРКОВ**. Причем, по его мнению, писатель не боится признавать правоту других партий и направлений.

Итоги дискуссии подвел **ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО**:

— Прочитав Распутина, понимаешь: иначе, чем есть, и быть не могло. Публицистика позднего Распутина — просто обозначение ситуации. Когда кто-то сегодня говорит о голодных одиноких старухах, его останавливают и морщат нос: ну, опять... На самом деле у Распутина самый минимум публицистики. А чего у него много — так это почвенной основы. Литературу же определяли всегда именно писатели почвы.

многие писатели сейчас замолчали.

Распутин говорит. И в его прозе, его повестях и рассказах «дышат почва и судьба». Все, что есть в жизни трагичного и высокого, загадочного и прекрасного, — все можно найти в его книгах...

Но пора дать слово самому писателю. По окончании торжественной части Валентин Григорьевич согласился побеседовать с корреспондентом «КО».

— Валентин Григорьевич, писать с возрастом сложнее или проще?

— С годами пишется все труднее и труднее. Даже руке, и то сейчас сложнее выводить буквки. Крупных произведений уже лет 10 как нет. Я вообще пишу медленно и немного. Два-три, иногда четыре рассказа в год — предел для меня. Правда, это большие рассказы, почти повести.

— Где вы в последние годы печетесь: в каких журналах и издательствах? Есть какие-нибудь произведения сейчас на выходе?

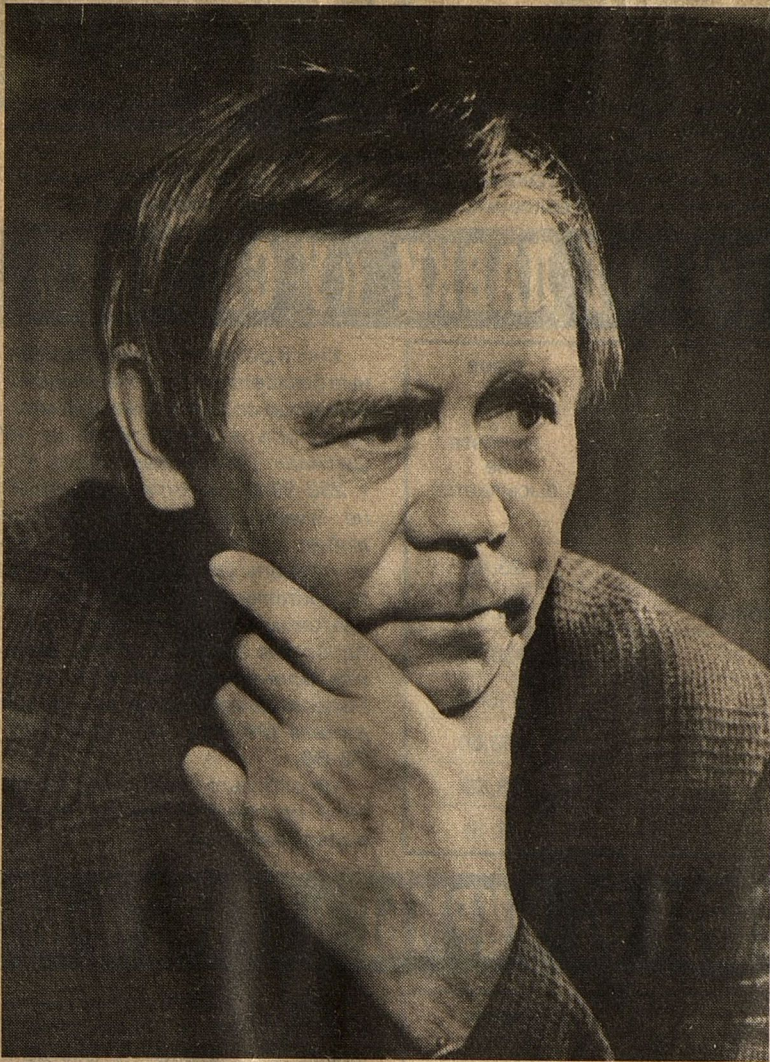
— Начиная с 1994 года я постоянно публикуюсь в «Нашем современнике» — каждый год. Почти каждый год печатаюсь в журнале «Москва», в новом издании роман-газеты — «Роман-газета XXI века» и в иркутском журнале «Сибирь». В ближайшем номере «Нашего современника» появится мой новый рассказ. Он называется «На родине». Это рассказ-быль.

— Издаются ли ваши произведения за рубежом?

— За границе нужны другие книги, которые показывали бы, насколько низко пала русская литература. Правда, отдельная книга о Сибири вышла в Соединенных Штатах, в одном из университетских издательств. В Венгрии в прошлом году издали большую книгу, в которую включены три повести. Много книжек сейчас выходит в Китае и в Сербии. Вот-вот должна быть издана моя книга в Болгарии.

— Как вы считаете, Валентин Григорьевич, что происходит сейчас с нашей литературой?

— Мне кажется, что читатели стали бояться книжек. Новых кумиров: — бандитов и проституток — российский читатель не принимает. А книжный рынок, особенно крупных городов, предлагает людям именно такую халтуру. Реклама навязывает пошлую, бесстыдную, неумную и жестокую литературу. И потом жизнь страшнее и грубее, чем на страницах современных

книг. Когда преодолеем это несоответствие, читатель обязательно к нам вернется. А отменить литературу нельзя, даже если кому-то и захочется.

— Может ли русская литература обойтись без публицистики?

— Думаю, что нет. Русская литература и начиналась с публицистики: вот, к примеру, «Слово о полку Игореве». Что это такое, по-вашему? Все наши классики были также и публицистами: Чехов, Достоевский. Я согласен далеко не со всеми выступившими сегодня здесь. На-

пример, не считаю, что раннему моему творчеству свойствен либерализм. Дело не в либеральности, а в моей очевидной на тот период малой национальной образованности. Но это отдельная тема, и мне не хотелось бы ее касаться наспех.

— Герои ваших рассказов — люди в обыденной жизни не приметные: тетя Маня, дядя Саня. Сегодня это выглядит несколько странно, если не сказать вызывающе.

— Почти все мои рассказы о сибиряках. Байкал, Ангара — книги мои оттуда. Ну, не инте-

ресны мне всякие важные чиновники-начальники. Я даже в Президентский совет «сходил», чтобы поближе узнать российский высший свет. И ничего у меня не получилось. Как были они для меня марсианами, так и остались. Шутка, конечно.

— И последний вопрос, специально для «Книжного обозрения». Что вы думаете о нашем книгоиздании?

— Что происходит с российским книгоизданием ответить сложно. Провинциальное книгоиздание резко отличается от московского или ленинградского. В провинции выходит немало хороших книг, и не только местных авторов. Издают и классику. А также то, что писалось в семидесятые и восьмидесятые годы. Провинция старается держать литературную марку. Говорить плохо о Москве я бы тоже не стал. Есть разные издательства. Правда, государственные, в сущности, разрушены или разорены. Зато за деньги почти в любом московском издательстве можно издать все что угодно. В провинции пока иначе. Тем она мне и мила. А политику центральных книгоиздателей я не принимаю. Нравственная книжная позиция у них, на мой взгляд, отсутствует, что совершенно недопустимо.

Согласимся с классиком и поверим ему на слово. Отменить русскую литературу действительно нельзя. Да если кому-то и взбредет в голову, так кто же ему позволит!

Евгения УЛЬЧЕНКО

Фото Н.КОЧНЕВА

P.S. Через несколько дней после нашей встречи «живой классик» отбыл в места своей добровольной литературной и жизненной ссылки — под Иркутск. Газета «Книжное обозрение» желает Валентину Распутину творческого настроения и новых литературных побед.

6.4.99

Распутин Валентин